

Hajkowicz, S. (2015) *Global megatrends: seven patterns of change shaping our future*. Clayton South, CSIRO Publishing. 218 p.

McRae, N. (1994) *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. Voston, Harvard Business School Press. 302 p.

Mead, W. R. (2007) *God and Gold. Britain, America, and the Making of the Modern World*. N. Y., Alfred A. Knopf. 449 p.

Naisbit, J. (1982) *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. N. Y., Warner books. 333 s.

Witoszek, N. and Midttun, A. (2018) Sustainable modernity and the architecture of the “well-being society”: interdisciplinary perspectives. In: *Sustainable Modernity: The Nordic Model and Beyond*. Ed. by N. Witoszek, A. Midttun. Abingdon, N. Y., Routledge. 242 p. Pp. 1–17.

Submission date: 10.12.2019.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: val_fedotova@mail.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, Sector of Social Philosophy, Head, Research Seminar “Social Philosophy and the Development of Civil Society in Russia”, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. Email: val_fedotova@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2020.1.3

Феномен позднего капитализма

Г. Ю. КАНАРШ

Институт философии РАН

В статье исследуется феномен позднего капитализма. Поздний капитализм рассматривается как форма капиталистического производства, которая пришла на смену развитым формам капитализма 1950-х — 1960-х гг. Иначе данный переход именуется переходом от фордизма к постфордизму.

Фордизм определяется как социально-экономическая система, возникшая в послевоенный период на Западе (США и Западная Европа) и типичными особенностями которой были массовое производство в рамках крупной вертикально интегрированной корпорации, а также создание соответствующих стабильных массовых рынков. В противоположность фордизму постфордизм представляет собой систему, которая сформировалась в условиях начавшейся глобализации и отражала в значительной мере как изменения на глобальных рынках, так и собственные внутренние противоречия фордизма.

Последовательно рассматривается сначала становление фордистской системы (производственный и социальный проект Форда и послевоенный «фордистский компромисс»), а затем становление постфордистской системы. Особенности последней раскрываются на примере известной концепции американских авторов М. Пиоре и Ч. Сабеля. Также на материале концепции французских исследователей Л. Болтански и Э. Кьяпелло рассматривается идеология современного (позднего) капитализма. Для того чтобы показать

многообразии форм (в том числе региональных) позднего капитализма, автор обращается к концепции известного американского социолога М. Кастельса.

На примере фордизма и постфордизма можно убедиться в том, что капитализм — весьма гибкая и адаптивная система, однако постфордизм представляет собой как бы радикализацию «гибкости» и инновационности, изначально присущей капиталистической системе. Ключевые слова: капитализм; поздний капитализм; фордизм; постфордизм; фордистский компромисс; гибкая специализация; дух капитализма; сетевое предприятие

ВВЕДЕНИЕ

Авторитетным исследованием современного капитализма в российской социальной науке является книга «Глобальный капитализм: три великие трансформации» (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). Авторы рассматривают капитализм как прошедший три основные стадии в своем развитии. Первая стадия — либеральная современность второй половины XIX в., вторая стадия — период организованного модерна (с середины XX в.), и наконец, третья стадия — Третий модерн или новое Новое время для незападных стран (формула, предложенная одним из авторов книги В. Г. Федотовой). Особый интерес для авторов книги представляет как раз третий этап развития капитализма, отличие которого в том, что в капиталистическую современность с началом глобализации включился целый ряд незападных стран (многие страны Азии, Африки и Латинской Америки).

Однако, несмотря на эти весьма существенные трансформации, изменения происходили в конце XX в. не только относительно стран капиталистической периферии (включая сегодняшний Китай), но и в отношении стран самого капиталистического центра. В связи с той же глобализацией (хотя и не только) капитализм на Западе существенным образом изменился, перейдя от стабильных форм, характерных для 1950-х — 1960-х гг., к более гибким формам, которые позволяют капиталистическим предприятиям более успешно функционировать в условиях возросшей неопределенности. Этот переход западного капитализма к новым формам получил в литературе название перехода от фордизма к постфордизму (Post-Fordism: ... , 1994; Шевчук, 2000; Уэбстер, 2004; Постфордизм ... , 2015). Если говорить совсем коротко, то фордизм — это система капитализма, сложившаяся на Западе в послевоенный период и успешно существовавшая вплоть до конца 1960-х гг. в рамках территориальных границ национальных государств. Напротив, постфордизм — капиталистическая система, которая характерна для периода начинавшейся (и продолжающейся сегодня) глобализации, в контексте которой национальные рынки уже не могли обеспечивать достаточный успех системе массового производства, характерного для фордизма, в силу одновременно их насыщения товарами, производимыми местными экономиками, и усилившегося давления на экономики Западе со стороны новых индустриальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Самое же главное, что характеризует данный переход, — это кризис доминирующей организационной формы западного капитализма эпохи фордизма — крупной вертикально интегрированной корпорации, которая сегодня заменена различного рода сетевыми предприятиями. В целом для нового капитализма стала характерна *метафора сети*: постфордистский капитализм — это сетевой капитализм, в котором производство организовано на основе сетевого принципа управления предприятиями (также здесь весьма характерна система подряда и субподряда). Понятно, что такое качество, как сеть, — весьма удобный способ организации производства в эпоху глобализации, позволяющий размещать предприятия по всему миру, а си-

стема субконтрактинга есть органичный способ снижения издержек в условиях неопределенности. Еще одно важное качество нового капитализма — его основанность на новейших информационных технологиях, без которых сетевой принцип управления предприятиями был бы практически невозможен. Практически во всех теориях, концептуализирующих новый капитализм (теория регуляции, концепция гибкой специализации и неошумпетерианские подходы (Amin, 1994; Шевчук, 2000; Kumar, 2005)), подчеркивается ключевая роль новых технологических возможностей, предоставляемых компьютерной техникой и Интернетом.

Таким образом, поздний капитализм — это социально-экономическая система, соответствующая реалиям глобализации и одновременно отражающая кризис фордизма — системы массового производства, состоявшейся в рамках отдельных национальных государств.

В настоящей статье мы ставим своей задачей рассмотреть эволюцию западного капитализма с начала XX в. (проект Форда) до достижения им стабильных форм в середине XX в. (социально-экономическая система фордизма) и, наконец, до радикальной организационной перестройки, которая произошла на излете прошлого столетия (переход к постфордизму). Для этого мы проанализируем ряд концепций позднего капитализма, в рамках которых осмысляется этот феномен.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СИСТЕМА ФОРДА

Если говорить о системе фордизма как особой форме западного (первоначально американского) капитализма, то здесь следует выделить два этапа: первый этап — создание новой системы производства Генри Фордом и ее определенный успех в Америке в начале XX в. и второй этап — распространение фордистской системы предприятий на страны Европы и Японию после окончания Второй мировой войны (т. е. создание собственно социально-экономической системы, именуемой фордистской). Это — два разных этапа, у которых, однако, есть нечто общее — это система крупных, вертикально организованных предприятий, производящих стандартизированную массовую продукцию для массового потребителя, и использование мало-квалифицированной (или полуквалифицированной) рабочей силы в условиях конвейерного производства.

Однако, несмотря на наличие определенной «негибкости» (что естественно в условиях массового производства на больших предприятиях), фордизм, как показывают некоторые исследователи, был вполне гибкой и высокоадаптивной экономической системой, что в целом противоречит типичным представлениям о нем в рамках так называемых постфордистских концепций.

Так, британский исследователь С. Кларк в своих работах показывает, что для фордизма как способа производства характерна высокая степень технологического динамизма, а также использование наряду с неквалифицированной рабочей силой хорошо обученных рабочих. Как полагает Кларк, введение сборочного конвейера, что обычно рассматривается как главная производственная инновация фордизма, на самом деле вовсе не является главным для этого способа производства. Напротив, сама конвейерная система стала возможной в результате определенной рационализации — а именно четкого отделения производства (деталей) от собственно сборки. Как пишет Кларк, «раз это (разделение. — Г. К.) было достигнуто, развитие системы конвейера стало почти формальностью» (Clarke, 1992: 17; перевод наш. — Г. К.). Кроме, того, как показывает исследователь, рационализм фордист-

ской системы сказывался и в том, что четкая фрагментация производственных задач и процессов позволяла специалистам-инженерам достаточно быстро находить «узкие» (проблемные) места в системе производства и эффективно исправлять возникшие недочеты. Весьма прагматичным моментом являлось также то, что если вводились те или иные технологические или организационные изменения на производстве, то они вводились постепенно, затрагивая отдельные производственные единицы и не ломая резко сложившуюся систему в целом.

«Таким образом, — пишет Кларк, — революция Форда не исчерпывалась введением сборочного конвейера. Она означала не единичное технологическое изменение, но интернализацию технологического динамизма и инкорпорацию научного и технического прогресса в трудовой процесс» (там же: 17; перевод наш. — Г. К.). В этом смысле, как утверждает Кларк, фордизм был безусловно гибкой системой, преодолевшей ригидность предшествовавшего ему (ремесленного) производства и подчинившего трудовой и производственный процесс своей собственной рациональности. Как здесь же отмечает исследователь, для системы Форда вовсе не было характерно использование только малоквалифицированной рабочей силы: напротив, создание и обслуживание станков, а также устранение возникавших неполадок во время сборочного процесса требовало применения труда высокопрофессиональных рабочих, что также опровергает сложившиеся стереотипы о фордизме как негибкой форме производства.

Конечно, определенная ригидность была присуща фордизму, и она, как мы сказали, естественным образом возникала из двух особенностей этой системы: 1) вертикально интегрированное предприятие; 2) выпуск массовой продукции для массового потребителя. В обоих случаях определенная жесткость системы представляется неизбежной. Но в то же время, как полагает Кларк, фордизм имел несомненный потенциал к развитию и преодолению своих внутренних ограничений (например, производство стандартизированных деталей для производства автомобилей вовсе не означает невозможность варьирования самих моделей, что позже продемонстрировала «Дженерал Моторс»).

В целом, как показывают Кларк и другие исследователи (см., напр.: Шевчук, 1998), фордизм был не только способом организации производства, но и формой создания новой социально-экономической модели, которая включала в себя: 1) революцию в потреблении; 2) трансформацию трудового процесса; 3) особый фордистский способ регулирования труда (так называемый пятидолларовый рабочий день). Однако, несмотря на определенные — и довольно существенные — успехи фордизма как производственной и социально-экономической системы, проект Форда все же столкнулся с довольно существенными трудностями, главной из которых было его категорическое нежелание признавать рабочее движение и представительные организации рабочих в качестве социальной силы, с которой необходимо считаться. С точки зрения Форда, его пятидолларовый рабочий день был достаточной формой контроля за рабочей массой. Однако жизнь показала, что это не так и что для успешного развития капитализма требуется иной проект, в чем-то наследующий системе американского промышленника, а в чем-то преодолевающий его. И эта система — получившая название «фордистского компромисса» — была осуществлена на Западе (не только в США, но и в Европе) уже в период после окончания Второй мировой войны, вместе с утверждением политической и экономической гегемонии Соединенных Штатов в капиталистическом мире.

*«ФОРДИСТСКИЙ КОМПРОМИСС»
И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1970-х гг.*

Что же представлял собой «фордистский компромисс», с которым обычно ассоциируется расцвет социально-экономической системы фордизма? Здесь, во-первых, надо сказать, что фордизм далеко не так просто и безболезненно распространился за пределы Соединенных Штатов: этому, как отмечает англо-американский исследователь Д. Харви (Harvey, 1990), изначально противодействовали как минимум два фактора. Во-первых, жесткая система цехов и юнионизма (профсоюзного движения), получившая широкое распространение в Европе и, как таковая, защищавшая рабочих от дегуманизирующего воздействия конвейерной системы производства (в Америке эта система опиралась в основном на рабочую силу иммигрантов). Во-вторых, фордистская система для своего успешного развития требовала деятельного участия со стороны государства, по крайней мере, в том, чтобы поддерживать долгосрочный платежеспособный спрос — а отношение к государству и его вмешательству в экономику, учитывая опыт милитаристских Германии и Японии, было достаточно настороженным в послевоенное время. Только преодоление этих двух барьеров могло способствовать распространению фордизма в Европе.

Такой период наступил после победы союзников во Второй мировой войне. Фордистские принципы прямо распространялись Соединенными Штатами на территории союзных или оккупированных (как Германия) европейских стран либо насаждались косвенным образом — через системы помощи странам (например, план Маршалла). Во всяком случае, гегемония Соединенных Штатов в послевоенный период стала неоспоримой, и это, безусловно, содействовало распространению фордизма.

Как показывает Д. Харви (там же: 125–140), международный аспект был чрезвычайно важен для системы фордизма, впрочем, как и внутренний, национальный. В национальном плане, как мы уже отметили, в странах (США и Европа) сложился определенного рода социальный контракт, в котором действовали три основные силы — профсоюзы, капиталисты и государство. Профсоюзы, несмотря на их определенное ослабление после войны (по сравнению с периодом «Нового курса» 1930-х гг.), сохраняли значительное влияние как на производственный процесс, так и на вопросы, касающиеся социальной защиты работников. В целом можно говорить, что определенные социальные завоевания были достигнуты рабочими в обмен на лояльность по отношению к фордистской системе производства.

Так же — в духе социального компромисса — действовали и две другие силы — буржуазия и государство. Задача капиталистов заключалась в том, чтобы посредством постоянного инвестирования, технологических инноваций, совершенствования системы менеджмента поддерживать экономический рост, в свою очередь опираясь на лояльное отношение со стороны рабочих и поддержку государства. И с этими задачами капитал успешно справлялся. В то же время большие задачи возлагались и на государство. Со своей стороны оно должно было — посредством фискальной и монетарной политики — регулировать экономические циклы, поддерживая при этом финансово жизненно важные секторы экономики. Это то, что получило название кейнсианства и без чего устойчивый экономический рост был бы невозможен. Кроме того, в задачу государства входила активная социальная политика, включавшая высокие расходы на здравоохранение, образование, помощь неимущим. В результате, как пишет Д. Харви, фордизм стал не просто социально-экономической систе-

мой, но, по сути, означал формирование нового стиля жизни, с присущим ему отношением к миру (там же: 135–136).

При этом, как отмечает Харви, «фордистский компромисс» вовсе не означал, что им были охвачены все граждане капиталистических стран, принявших фордизм, — на самом деле, в рамках этой системы существовало и значительное социальное исключение (чернокожие, женщины, другие группы населения). Поэтому не случайно, что уже в 1960-е гг. в социально-экономической системе развитых стран начало проявляться значительное недовольство, проистекавшее из необходимости улучшения жизненных условий непривилегированных групп. Это же стало одной из причин последующего экономического кризиса, подготовившего почву для перехода к постфордизму.

Мы не будем говорить подробно о причинах экономического кризиса на Западе, произошедшего в 1970-е гг. Отметим лишь, что среди причин этого кризиса — острое социальное недовольство, а также такие факторы, как переход стран к свободному обменному курсу валют (значительно подорвавшему макроэкономическую стабильность), два нефтяных кризиса (начала и конца 1970-х гг.), а также, в значительной степени, насыщение рынков товарной продукцией. Первые факторы относятся как бы к внешним обстоятельствам, разрушавшим стабильную систему послевоенного социально-экономического консенсуса, но последний фактор относится к внутренним проблемам фордистского режима накопления. Если первая группа факторов означала рост инфляции и сдерживание экономического роста, то последний означал исчезновение ключевого условия фордистского режима накопления — стабильных и обширных рынков для сбыта произведенной массовой продукции. Что, как показывают известные американские исследователи, авторы влиятельной книги «Второе индустриальное разделение» М. Пиоре и Ч. Сабель (Piore, Sabel, 1984), означало перестройку капитализма в сторону обретения им большей гибкости, а фактически в сторону возрождения крафтовой (ремесленной) парадигмы, ориентированной на удовлетворение не стабильного массового, а постоянно меняющегося спроса в условиях неопределенности.

Таким образом, экономический кризис конца 1960-х — 1970-х гг. подорвал сложившуюся и в целом весьма успешную социально-экономическую систему, открыв дорогу новым трансформациям капитализма — в сторону его отхода от стабильных (фордистских) форм.

ОТ МАССОВОГО ПРОИЗВОДСТВА — К ГИБКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

В своей книге «Условия постмодернити» Д. Харви дает достаточно развернутую картину современного (позднего, постмодернистского) капитализма. К его основным элементам относятся:

- изменения в системе организации труда (наличие постоянного ядра и двойной периферии (малоквалифицированных работников));
- изменения в системе организации производства (субконтрактинг и появление неформальной экономики);
- изменения в потребительских ориентациях (появление спроса на продукцию недлительного пользования);
- возрастание роли информации и значения самопозиционирования фирм на рынках;

- новые стратегии фирм (стремление к слияниям и поглощениям);
- изменение в соотношении производства и финансов (чрезвычайно выросшее значение финансового сектора, в том числе на глобальном уровне);
- новое понимание роли государства в изменившихся социальных условиях (переход к «предпринимательскому государству» и ослабление послевоенного социального контракта) (Harvey, 1990: 141–172).

В то же время как можно концептуализировать произошедшие изменения? Влиятельной в этом отношении является уже упоминавшаяся концепция американских авторов Пиоре и Сабеля, получившая название «гибкой специализации» (Piore, Sabel, 1984). Важной чертой современного капитализма, как мы уже сказали, является рост разнообразия малых фирм, гибко реагирующих на изменения спроса, а также, как считают Пиоре и Сабель, возрождение региональных экономик (Sabel, 1994). В целом, как считают эти авторы, в конце XX в. наблюдался очевидный кризис массового производства и переход к крафтовой (ремесленной) парадигме. Это не означает, что наступила эпоха исключительно малых фирм (что отмечает и Д. Харви), однако элементы крафтовой парадигмы, согласно Пиоре и Сабелю, активно применяются и на крупных предприятиях в разных странах (в той же Америке и Японии). Таким образом, концепция «гибкой специализации» пытается дать ответ о характере изменений, которые наблюдаются в промышленном производстве развитых стран после кризиса 1970-х гг.

В целом концепция Пиоре и Сабеля сводится к следующему. Во второй половине XIX в. и даже до середины XX в. большое значение в экономиках Запада имело крафтовое производство, которое, однако, не стоит путать с ригидным ремесленным производством, например, Средних веков или начала Нового времени. Речь идет о малых фирмах и конгломератах малых фирм, которые активно действовали в различных регионах западного мира, основывая свое производство на гибких и передовых для своего времени технологиях. Однако, как показывают Пиоре и Сабель, в течение XX в. происходит постепенное вытеснение крафтовой парадигмы парадигмой, основанной на массовом производстве (собственно фордизмом). По сути, единственной легитимной формой промышленного производства признается крупная вертикально интегрированная корпорация, с малоквалифицированными наемными работниками, которые способны выполнять сравнительно несложную работу в рамках конвейерного производства. Как бы мы сказали сейчас, произошла некая смена рациональности: массовое производство, экономия на масштабе (и формирование соответствующих рынков) признаются как наиболее эффективная форма производства, тогда как деятельность малых фирм в лучшем случае объявляется дополнительной, лишь способствующей развитию производства первого типа (например, через изготовление специального оборудования, требующегося конвейерным предприятиям). В худшем же случае крафтовое производство прямо видится устаревшим и таким, которое должно быть вытеснено с арены экономической активности. Несмотря на то что ремесленное производство продолжает сохраняться вплоть до середины XX в., оно активно вытесняется фордистскими корпорациями по всему миру.

Однако, как показывают Пиоре и Сабель, ситуация кардинально меняется с наступлением экономического кризиса 1970-х гг., о котором мы говорили выше. И не менее важным, чем некие случайные и внешние обстоятельства (вроде нефтяных шоков), для этих авторов становится насыщение рынков в результате предельного раз-

вития массового производства. Таким образом, согласно Пиоре и Сабелю, исчезает ключевое условие массового производства — стабильные и большие рынки, что неизбежно ведет к экономической стагнации. В то же время в различных странах Запада оживляется немассовый спрос — спрос на разнообразную продукцию, которая соответствовала бы формированию разнообразных стилей жизни, характерных в целом для постмодернистской эпохи. Соответственно, возникают условия для нового, очередного оживления крафтовой парадигмы, парадигмы малых и гибких фирм, способных удовлетворить возникающие запросы. И это оживление действительно происходит — в Италии (феномен «Третьей Италии»), в Германии, Дании, Японии, даже в самих Соединенных Штатах.

Пиоре и Сабель достаточно подробно рассматривают особенности вновь появляющейся крафтовой парадигмы на примере различных отраслей промышленности, а также в сравнительном межстрановом аспекте. Так, очевидные элементы крафтового производства видятся в сталелитейной, текстильной, химической промышленности и машиностроении. Наиболее характерен пример Италии, где во второй половине XX в. сформировалась очень динамичная система региональных конгломератов малых фирм (феномен «Третьей Италии») первоначально в результате децентрализации крупных промышленных корпораций. Однако, как показывают Пиоре и Сабель, эта децентрализация, рассматривавшаяся как временная (предпринятая для того, чтобы избежать значительных социальных издержек), дала в результате очень эффективную и динамичную систему, основывающуюся, с одной стороны, на семейно-клановых связях, а с другой стороны, на значительной роли муниципалитетов в развитии экономической и социальной инфраструктуры инноваций. В результате именно Италия в конце XX в. дает наиболее убедительный пример «возвращения» крафтовой парадигмы, основанной на высоких технологиях. Похожие тенденции наблюдаются и в США, Японии и Германии. Определенное исключение составляет Франция, в которой в силу сложившихся социально-экономических и политических традиций (дирижизм) крафтовая парадигма не нашла достаточного воплощения.

Таким образом, на достаточно большом эмпирическом материале американские исследователи показывают возвращение элементов производственной парадигмы, предшествовавшей фордизму, в современную экономику. Правда, нельзя не отметить, что в значительной степени концепция Пиоре и Сабеля является утопической (см.: Хумарян, 2018), поскольку перспектива, которую они намечают, — это переход от системы массового производства, типичного особенно для второй половины XX в., к системе малых фирм и их конгломератов, объединенных на основе коммунистических практик. В этой системе все — начиная от организации отношений фирм и предпринимателей между собой, обучения и найма рабочей силы до устройства социальной жизни — основано на тесных межличностных взаимодействиях внутри особых региональных и местных сообществ. В свою очередь, такая система противопоставляется авторами «глобальному кейнсианству» (системе, регулирующей глобальные рынки, спрос и предложение посредством глобальных финансовых и экономических институтов). Очевидно, что, несмотря на возрождение коммунистических практик (или подобных им) в некоторых регионах мира, все же современная глобальная экономическая система достаточно далека от перспектив, очерченных в работе Пиоре и Сабеля.

НОВЫЙ ДУХ КАПИТАЛИЗМА

Изменение организационных форм капитализма начиная с 1980-х гг. (переход к гибким формам организации фирмы и труда) с необходимостью привело также к трансформации идеологических оснований капиталистической системы. Как показали в своей известной работе «Новый дух капитализма» французские исследователи Л. Болтански и Э. Кьяпелло (Болтански, Кьяпелло, 2011), идеология капитализма, или «капиталистический дух», до сих пор (а не только во времена Вебера) имеет не меньшее значение, чем собственно его материальные формы (инвестиции, максимизация прибыли, использование наемного труда).

Дух капитализма, согласно французским исследователям, — это идеология конкретной формы капиталистического накопления, которая легитимирует его в глазах тех, кто так или иначе вовлечен в капиталистическую систему (начиная с работников и заканчивая менеджментом). Как показывают Болтански и Кьяпелло, в истории западной экономики эпохи модерна последовательно сменяли друг друга три разные формы «духа капитализма»: первый (самый ранний, описанный М. Вебером и В. Зомбартом) был связан с фигурой инициативного предпринимателя, готового идти на риск, в известном роде авантюриста, гонящегося за прибылью. В то же время этот дух предполагал обращение к традиционным семейным ценностям («добропорядочный буржуа»), а также развитие благотворительности. Второй дух капитализма, развитие которого происходило примерно с 1930-х гг., был связан уже не с семейными предприятиями, характерными для раннего периода, но с гигантскими предприятиями «фордистской» эры. Для этого периода типична концентрация уже не на фигуре индивидуального предпринимателя-буржуа, но на фигуре директора крупного предприятия, и кроме того, этот дух включает в себя представление о развитии бюрократической рациональности и планирования. Этот, второй, дух капитализма продержался практически до конца XX в., будучи вытесненным затем третьим духом капитализма, анализу которого и посвящена книга Болтански и Кьяпелло.

Что же представляет собой этот новый дух капитализма, и какие реалии он отражает? Для того чтобы ответить на этот вопрос, французские социологи обращаются к литературе по менеджменту, сравнивая те ценностные ориентации, которые были представлены в литературе 1960-х гг., и новые, представленные в литературе периода 1990-х гг.

Несмотря на наличие определенной преемственности, как они показывают (которая состоит в продолжении тенденции к либерализации), литература по менеджменту обоих периодов представляет две совершенно различные «картины мира». Так, если для литературы 1960-х гг. характерно представление о необходимости определенной децентрализации предприятий и предоставления автономии менеджерам (хотя и по-прежнему в рамках строго иерархической системы, подчиненной, впрочем, меритократическому принципу), то в литературе 1990-х гг. главный акцент делается уже не на создании справедливой иерархии на предприятии, а, напротив, на упразднении иерархической системы и переходе к сетевому видению производственной системы. Кроме того, как показывают социологи, если система 1960-х гг. была в значительной мере ориентирована на обеспечение социальной безопасности (через осуществление принципа карьер, а также гарантий занятости, предоставляемых предприятием и государством), то новая система, сложившаяся в целом в 1990-е гг., отставляет социальную безопасность на задний план, вместо этого кон-

центрируясь на вопросе совершенствования человеческой личности через участие в разного рода проектах (и приобретение соответствующих компетенций через такого рода участие). В целом, как утверждают Болтански и Кьяпелло, новый дух капитализма недостаточно вообрал в себя представления о справедливости, в целом характерные для ушедшего в прошлое духа «фордистской» эры.

Таким образом, новый дух капитализма, согласно французским авторам, это в целом дух *сетевого предприятия*, который характеризуется следующими чертами:

- резкое снижение уровней иерархии;
- значительный акцент на конкуренции (вследствие ее усиления с последней трети XX столетия);
- акцент на большой роли информации;
- значительное усиление автономии работников;
- кардинальное изменение представлений о характере менеджмента (переход от модели вертикального управления на предприятии к системе менеджмента как осуществления координации, подачи вдохновляющего примера и т. д.);
- особое значение доверия в рамках сетевых взаимодействий (там же: 142–169).

Этот новый дух анализируется социологами также в терминах «градов», т. е. особого рода социокультурных практик, управляемых «порядками величия» (см. также: Болтански, Тевено, 2013). Так, согласно Болтански и Кьяпелло, первый дух капитализма развивался на пересечении семейного и рыночного градов (воплощая в себе соответствующие «порядки величия»), второй дух — на пересечении индустриального и гражданского градов (с их «порядками величия»), третий же дух капитализма не может быть описан в терминах уже известных градов, но требует конструирования представления о новом граде, которым в концепции французских авторов становится «проектный град». Коротко говоря, в «проектном граде» Болтански и Кьяпелло ценится все та же *гибкость* (высокая адаптируемость, приспособляемость к новым обстоятельствам, способность легко переключаться от одной деятельности к другой и т. д.) — типичная черта постфордистских концепций.

В то же время особенность позиции французских социологов, в отличие, например, от позиции Пиоре и Сабея, состоит в том, что они не считают переход к новому духу капитализма результатом воздействия неких детерминант, наподобие изменения рынков. По их мнению, переход к новой системе состоялся начиная с 1970-х гг. в результате осуществления жесткой критики капитализма со стороны различных общественных сил (при этом они различают социальную и художественную критику), критики, которая затем была усвоена, эндогенизирована капитализмом, стремившимся к восстановлению контроля над дезорганизованными (в результате социальных волнений) предприятиями. Так, в результате художественной критики, настаивавшей на освобождении работника от отупляющих условий тейлоризма и конвейерного производства, была реализована (самими капиталистами) производственная система, предоставляющая значительную автономию работникам (включая гибкие графики, контроль над производством и т. д.). При этом, усвоив данную критику, и пройдя через соответствующие трансформации, капитализм, согласно Болтански и Кьяпелло, вовсе не стал более гуманным, напротив, он включает в себя множество пороков, таких как разделение (дуализацию) рабочей силы, усиление нестабильности положения работников, резкое снижение роли профсоюзов, размывание социально-классовой структуры, эксплуатация (сохранившаяся, но принявшая иные формы). Все это, согласно социологам, требует осу-

ществления новой масштабной критики капитализма, которая как будто бы исчерпала себя в нынешних условиях.

АЗИАТСКИЕ СЕТИ КАПИТАЛИЗМА

Концепции, о которых мы говорили выше (Пиоре и Сабеля, Болтански и Кьяпелло, других авторов), описывают в основном те процессы, которые происходили в конце XX в. в западном капитализме, включая Японию (часто рассматриваемую как часть Запада). Однако, как показывает, например, известный американский социолог М. Кастельс в своей известной книге «Информационная эпоха» (Кастельс, 2000), «сетевой дух» характерен отнюдь не только для западного капитализма указанного периода. Он оказывается весьма типичен и для чрезвычайно успешного восточноазиатского капитализма. Так же как и предприятия на Западе, корпорации в Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай) оказываются устроены на основе сетевого принципа, который, впрочем, дополняется активной поддержкой со стороны государства (так называемого государства развития, характерного для этих стран). Более того, как отмечает Кастельс, именно господство сетевого принципа в организационной культуре этих стран позволило им весьма эффективно встроиться в современную глобальную экономику.

Однако, прежде чем сказать несколько слов о восточноазиатском капитализме, отметим ряд важных уточнений, сделанных Кастельсом относительно развития современного капитализма вообще. Он, как и многие другие авторы, соглашается с тем, что в 1980-е гг. в западном капитализме произошли фундаментальные организационные изменения, направленные на увеличение эффективности в условиях нарастающей неопределенности. Однако, с точки зрения Кастельса, мы должны рассматривать данный тренд не как внутренне монолитный, но как некую совокупность взаимосвязанных тенденций. Первая тенденция — это уже отмеченное нами повышение гибкости. Причем эта гибкость возникает не только в аспекте, о котором писали Пиоре и Сабель (возрождение крафтовой парадигмы), но также в аспекте деятельности крупных корпораций, продолжающих оперировать большими объемами продукции (он называет это «динамической гибкостью»). Вторая тенденция — кризис организационной формы большой фордистской корпорации. Кастельс подробно разбирает аргументы разных авторов (одни из которых считают, что сегодня доминируют малые и средние фирмы, другие не соглашаются с ними) и приходит к выводу, что действительно в современную эпоху мы наблюдаем расцвет малых и средних фирм, которые, однако, часто находятся под контролем крупных корпораций. Поэтому, считает Кастельс, речь должна идти скорее о кризисе традиционных организационных форм фордистской эпохи, нежели о доминировании крупных корпораций или, наоборот, малых фирм. И наконец, третья важная тенденция — это кардинальные изменения в системе менеджмента, который в настоящее время много заимствовал из опыта японской корпорации «Тойота» (так называемый тойотизм). Эта новая система менеджмента имеет целый ряд специфических особенностей, однако главное в ней — тесное взаимодействие между менеджментом и наемными работниками, которые по идее должны активно привлекаться к участию в производственном процессе и делиться с компанией собственными знаниями, которые они заимствуют, в том числе из внешней среды.

В целом, как говорит Кастельс, мы наблюдаем сегодня кризис организационных форм, типичных для фордизма, и эти, привычные нам формы (как в капиталистиче-

ском, так и в бывшем социалистическом мире) заменяются сегодня новыми организационными формами, основанными на сети (возникновение так называемого сетевого предприятия). При этом, как показывает социолог, существует достаточно большое количество более конкретных организационных форм капитализма, основанных на сетевом принципе: это и горизонтальная система малых и средних фирм (как например, на Тайване или в Гонконге), это может быть разветвленная система субподрядчиков под контролем одной крупной корпорации (итальянская компания Benetton), также нередко альянсы крупных корпораций, делящихся технологическими достижениями и долями на рынках, и в немалой степени — изменение структуры самой крупной корпорации (переход от вертикально интегрированной системы к множеству автономных подразделений, взаимодействующих и часто конкурирующих между собой). При этом доминирование сетевого принципа в современной экономике, по Кастельсу, в значительной мере обеспечивается господством новейших информационных технологий (хотя логика организаций и логика технологического прогресса — все же две разные логики).

В значительной мере, как показывает Кастельс, опираясь на других исследователей, разнообразие организационных форм сетевого характера связано с особенностями культурного и институционального контекста. И здесь наиболее ярким примером являются деловые сети Восточной Азии. Так, как мы уже сказали, сетевой принцип построения предприятий равно характерен для Японии, Южной Кореи, Тайваня и Китая. В Японии такие сети имеют горизонтальный (объединения крупных фирм) либо вертикальный (главная корпорация с системой субподрядчиков) характер. Весьма специфичная для японской системы и организация рабочей силы — это ядро рабочих, обладающих пожизненным наймом, и «текучая периферия». Однако при наличии такого дуализма все же не происходит опасного разделения внутри японского общества, поскольку оно основано на мощной системе семейно-корпоративных отношений. Аналогом японских деловых сетей являются южнокорейские чеболи — конгломераты фирм, объединенных вокруг одного холдинга, принадлежащего индивиду или семье. Специфика корейских сетей состоит в том, что они имеют гораздо более авторитарный характер, что связано с особенностями их происхождения (создание авторитарным правительством Южной Кореи в 1960-х гг.). Наконец, китайские деловые сети в материковом Китае и на Тайване. Они основаны прежде всего на внутрисемейных связях и обусловлены в значительной мере равным разделением наследства в китайских семьях, что предполагает, что каждый сын-наследник сможет заняться предпринимательством или, по крайней мере, осуществить инвестиции в бизнес. Для китайских фирм характерны неформальные взаимодействия, финансирование из неформальных источников, отсутствие каких-либо серьезных гарантий в отношении как менеджмента, так и рабочих. В принципе китайский сетевой капитализм является гораздо более аморфным и текучим, нежели, например, японские деловые сети. (С чем связаны и определенные трудности технологических изменений в китайских фирмах.)

При этом, как показывает Кастельс, деловые сети в восточноазиатских странах не были бы столь успешны, если бы не опирались с конца XX в. на активную поддержку так называемого государства развития. Причем государство развития в случае Восточной Азии — это очевидным образом националистическое государство: для него главное — не достижение собственно экономических целей, а развитие националистического проекта (сегодня это вполне очевидно в случае Китая). Государ-

ство помогало (и продолжает помогать) бизнесу разнообразными способами. Так, в Японии было создано специальное министерство (Министерство внешней торговли и промышленности), которое осуществляло стратегическое планирование развития японской экономики, причем лояльность фирм по отношению к правительственному курсу обеспечивалась посредством контроля над банковскими кредитами, предоставляемыми Центральным банком японским корпорациям. Также имели значение неформальные совещания руководителей крупных фирм и само внутреннее устройство японских деловых сетей (стратегическое значение банков), способствовавшие эффективному проведению правительственных рекомендаций. В Южной Корее, как мы сказали, правительство прямо создавало чеболи на основе уже существующих фирм, при этом фирмам, которые добровольно присоединялись к чеболям, обеспечивались кредиты и экспортное лицензирование. При этом фирмы, объединенные в чеболи, находились в самом тесном взаимодействии с правительством, были обязаны даже финансировать чиновников. Что касается Тайваня, то здесь семейные фирмы китайцев были гораздо менее связаны с государством, однако государство осуществляло свою помощь бизнесу через финансирование образования и здравоохранения, создание инфраструктуры, а также финансовые вложения в НИОКР. Без всех этих условий малые семейные фирмы вряд ли бы достигли такого успеха, которого они достигли. Что касается Гонконга, то здесь аналогичные (тайваньским) меры были осуществлены британским колониальным правительством, которое, как говорит Кастельс, создало нечто вроде «колониального государства благосостояния». Кроме того, тайваньские и гонконгские предприниматели создавали филиалы своих фирм в разных провинциях внутри материкового Китая, успеху которых, в свою очередь, немало способствовали местные (муниципальные) правительства.

Таким образом, заключает Кастельс, деловые сети и «государство развития» в Восточной Азии есть как бы две стороны данной региональной модели капитализма. И эта модель, в противоположность западной, основана не на индивидуализме и господстве частной собственности (и формальных контрактах), а на семейно-корпоративных, часто неформальных отношениях. Проводя главную свою мысль, он пишет: «...таким образом, сетевое предприятие, господствующая форма деловой организации в Восточной Азии, кажется, расцветает в различных институционально-культурных контекстах в Европе, так же как и в Соединенных Штатах, в то время как крупная, объединяющая несколько производственных единиц корпорация, иерархически организованная вокруг вертикальных командных линий, плохо приспособлена к информационно-глобальной экономике» (там же: 193). При этом «архитектура и состав деловых сетей, формируемых по всему миру, находится под влиянием национальных характеристик обществ, в которые такие сети встроены» (там же: 193).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на примере нескольких концепций разных авторов мы проанализировали особенности современного (позднего) капитализма. Повторим наш основной вывод: капитализм в целом (изначально) является весьма гибкой и динамичной системой, однако современные условия глобально-информационной экономики существенно изменили мир капитализма, осуществив как бы *радикализацию* изначально присущих капитализму интенций. Так, достаточной степенью гибкости и технологического динамизма обладала уже фордовская система в США в начале XX в., весьма ра-

циональной и прагматичной системой был «фордистский компромисс» как социальный проект, осуществленный в западных странах (США и Европа) после Второй мировой войны (и наследовавший проекту Форда). Однако мощный экономический кризис 1970-х гг., потрясший основы капиталистической (фордистской) системы, заставил капитализм перестроиться в сторону еще более динамичных и гибких форм. Эта перестройка может быть удачно охарактеризована с помощью концепта «гибкой специализации», означающего перенастройку всех характеристик системы (рабочей силы, организации производства, характеристик оборудования и т. д.) в соответствии с новыми рыночными вызовами и возникающими потребностями.

Этой фундаментальной организационной перестройке соответствует и новый «дух капитализма», состоящий в сетевом характере взаимодействий в деловом мире, и в целом проектный характер деятельности. В то же время сетевой капитализм не представляет собой единую и монолитную систему, а имеет свои специфические, качественные характеристики, что показывает пример деловых отношений в Восточной Азии. Однако, несмотря на все эти инновации внутри капитализма, и в целом достаточно прочное положение капитализма как социально-экономической системы в современном мире, мы не должны воспринимать современный (поздний) капитализм как своего рода завершение экономической истории. Напротив, весьма популярными в последние годы становятся концепции так называемого посткапитализма (см.: Мейсон, 2016; Срничек, Уильямс, 2019), а в сущности — нового социально-экономического строя, который идет на смену капиталистической формации, основываясь в немалой степени на новейших научных и технологических достижениях.

И вопрос заключается лишь в том, действительно ли мы будем свидетелями угасания капитализма (даже в его нынешних, чрезвычайно адаптивных формах) или капитализм снова приспособится к меняющимся обстоятельствам и приобретет какие-то новые формы, отвечающие новому духу научно-технического прогресса и требованиям социальной справедливости. Но это уже вопрос будущего, возникающего в настоящем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болтански, Л., Кьяпелло, Э. (2011) Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М. : Новое литературное обозрение. 976 с.

Болтански, Л., Тевено, Л. (2013) Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковенева под науч. ред. Н. Е. Копосова. М. : Новое литературное обозрение. 576 с.

Кастельс, М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ. 608 с.

Мейсон, П. (2016) Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему / пер. с англ. А. Дунаева. М. : Ад Маргинем. 416 с.

Постфордизм: концепции, институты, практики (2015) / под ред. М. С. Ильченко, В. С. Мартыанова. М. : Политическая энциклопедия. 279 с.

Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда : пер. с англ. М. : Strelka Press. 336 с.

Уэбстер, Ф. (2004) Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной ; под ред. Е. Л. Вартановой. М. : Аспект-Пресс. 400 с.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция. 608 с.

Хумарян, Д. Г. (2018) Утопия «гибкого мира»: политика гибких производственных режимов // Социология власти. Т. 30. №4. С. 12–46.

Шевчук, А. В. (1998) Фордизм как этап общественного развития // Труд и социальные отношения. №3. С. 34–46.

Шевчук, А. В. (2000) Постфордистские концепции (критический анализ). Казань : КГУ. 81 с.

Amin, A. (1994) Post-Fordism: Models, Fantasies and Phantoms of Transition // Post-Fordism: a reader (1994) / ed. by A. Amin. Oxford : Basil Blackwell. 435 p. P. 1–39.

Clarke, S. (1992) What in the F—'s Name is Fordism // Fordism and Flexibility. Division and Change / ed. by G. Nagel, R. Burrows, A. Pollert. Houndmills, Basingstoke, Hampshire ; London : The Macmillan Press LTD. 206 p. P. 13–30.

Harvey, D. (1990) Part 2. The political-economic transformation of late twentieth-century capitalism // Harvey, D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Massachusetts : Blackwell Publishers. 378 p. P. 121–197.

Kumar, K. (2005) Fordism and Post-Fordism // Kumar, K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. 2-nd edition. Malden ; Oxford ; Carlton : Blackwell. 289 p. P. 61–89.

Piore, M. J., Sabel, Ch. F. (1984) The Second Industrial Divide. Possibilities for Prosperity. N. Y. : Basic Books, Inc. 355p.

Post-Fordism: a reader (1994) / ed. by A. Amin. Oxford : Basil Blackwell. 435 p.

Sabel, Ch. F. (1994) Flexible Specialisation and the Re-emergence of Regional Economies // Post-Fordism: a reader / ed. by A. Amin. Oxford : Basil Blackwell. 435 p. P. 101–156.

Дата поступления: 20.12.2019 г.

THE PHENOMENON OF LATE CAPITALISM

G. YU. KANARSH

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The article examines the phenomenon of late capitalism. Late capitalism is considered as a form of capitalist production which replaced the developed forms of capitalism of the 1950s — 1960s. Alternatively, this transition is called the transition from Fordism to post-Fordism.

Fordism is defined as a socio-economic system that emerged in the postwar period in the West (the USA and Western Europe) and it was characterized by mass production within a large vertically integrated corporation, as well as the creation of appropriate stable mass markets. As opposed to Fordism, post-Fordism is a system that was formed in the context of the emerging globalization and reflected to a large extent both changes in global markets and Fordism's own internal contradictions.

The article consistently considers first the formation of the Fordist system (Ford's production and social project and the post-war "Fordist compromise"), and then the formation of the post-Fordist system. The author reveals the features of the latter drawing on the example of the well-known conception of the American authors M. Piore and C. Sabel. Also, the ideology of modern (late) capitalism is considered on the basis of the conception of the French researchers L. Boltanski and E. Chiapello. In order to show the diversity of forms (including regional) of late capitalism, the author refers to the conception of the famous American sociologist M. Castells.

As illustrated by Fordism and post-Fordism, we can see that capitalism is a very flexible and adaptive system, but post-Fordism is a kind of radicalization of the "flexibility" and innovation initially inherent in the capitalist system.

Keywords: capitalism; late capitalism; Fordism; post-Fordism; Fordist compromise; flexible specialization; spirit of capitalism, network enterprise

REFERENCES

Boltanski, L and, Chiapello, E. (2011) *Novyi dukh kapitalizma* / Transl. from French; ed. by S. Fokin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 976 p. (In Russ.)

Boltanski, L. and Teveno, L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* / Transl. from French by O. V. Koveneva; ed. by N. E. Koposov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p. (In Russ.)

Kastel's, M. (2000) *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obschestvo i kul'tura* / Transl. from English; ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, State University — High School of Economics Publishing House. 608 p. (In Russ.)

Meison, P. (2016) *Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushchemu* / Transl. from English by A. Dunaev. Moscow, Ad Marginem. 416 p. (In Russ.)

Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki (2015) / ed. by M. S. Il'chenko and V. S. Mart'ianov. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 279 p. (In Russ.)

Srnichek, N., Uil'iams, A. (2019) *Izobretaiia budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* / Transl. from English. Moscow, Strelka Press. 336 p. (In Russ.)

Uebster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obschestva* / Transl. from English by M. V. Arapov and N. V. Malykhina; ed. by E. L. Vartanova. Moscow, Aspekt-Press. 400 p.

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 608 p. (In Russ.)

Khumarian, D. G. (2018) Utopiia «gibkogo mira»: politika gibkikh proizvodstvennykh rezhimov. *Sotsiologiya vlasti*, vol. 30, no. 4, pp. 12–46. (In Russ.)

Shevchuk, A. V. (1998) Fordizm kak etap obschestvennogo razvitiia. *Trud i sotsial'nye otnosheniia*, no. 3, pp. 34–46. (In Russ.)

Shevchuk, A. V. (2000) Postfordistskie kontseptsii (kriticheski analiz). Kazan', Kazan' State Univ. Publ. House. 81 p. (In Russ.)

Amin, A. (1994) Post-Fordism: Models, Fantasies and Phantoms of Transition. In: *Post-Fordism: a reader* (1994) / ed. by A. Amin. Oxford, Basil Blackwell. 435 p. Pp. 1–39.

Clarke, S. (1992) What in the F—'s Name is Fordism. In: *Fordism and Flexibility. Division and Change* / ed. by G. Nagel, R. Burrows, A. Pollert. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, The Macmillan Press LTD. 206 p. Pp. 13–30.

Harvey, D. (1990) Part 2. The political-economic transformation of late twentieth-century capitalism. In: Harvey, D. *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge, Massachusetts, Blackwell Publishers. 378 p. Pp. 121–197.

Kumar, K. (2005) Fordism and Post-Fordism. In: Kumar, K. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. 2-nd edition. Malden; Oxford; Carlton, Blackwell. 289 p. Pp. 61–89.

Piore, M. J. and Sabel, Ch. F. (1984) *The Second Industrial Divide. Possibilities for Prosperity*. NY, Basic Books, Inc. 355 p.

Post-Fordism: a reader (1994) / ed. by A. Amin. Oxford, Basil Blackwell. 435 p.

Sabel, Ch. F. (1994) Flexible Specialisation and the Re-emergence of Regional Economies. In: *Post-Fordism: a reader* / ed. by A. Amin. Oxford, Basil Blackwell. 435 p. Pp. 101–156.

Submission date: 20.12.2019.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Kanarsh Grigoriy Yuryevich, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru